

# Философия как криптография

Ирина Дуденкова

Доцент, факультет Liberal Arts, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irinafil@bk.ru.

*Ключевые слова:* тайна; истина; подозрение; открытое; феноменальное; Мартин Хайдеггер; Жак Деррида; Квентин Мейясу.

Этот текст предлагает прочтение философской работы как опыта откровения без Откровения. Тайна или секрет в качестве открытого и закрытого, явленного и неявного могут братья как функция трансцендентального различия, смысл которого остается проблемным моментом вплоть до актуальных философских дискуссий об эпистемологических характеристиках объяснения и спекулятивных свойствах реальности. Философия как криптография эксплуатирует остроумное наблюдение, что два важнейших для философии Нового времени эпистемологических модуса — доверие и подозрение — являются асимметричными по существу. Доверие тяготеет к абсолюту, для доверия необходима вся полнота и вся ясность познавательной картины, тогда как для подозрения достаточно самого мелкого, ничтожного и беспочвенного повода.

В связи с этим новое значение приобретают размышления Мартина Хайдеггера о сущности истины, вос-

становливающие в правах понимание истины как несокрытого, алетейи. Истина, как и тайна, является и устанавливает границу между открытым и закрытым. Благодаря предложенной Хайдеггером трактовки истины как непотаенности в тексте выстраивается связь между Деррида и Мейясу, которые сходятся в своих претензиях к притязаниям субъективного опыта определять границу феноменального и ноуменального, но расходятся в понимании функции тайны. Для Деррида функция тайны — дизъюнктивная, она предполагает дистанцирование, расхождение, разнесение, зазор. Напротив, Мейясу приписывает тайне конъюнктивную функцию наподобие сопутствующему броску костей совмещению, наложению, совпадению. Таким образом, философский криптографический метод может быть интересен как возможность перераспределения установленных позиций современной континентальной философии.

**НАЙДЕТСЯ** ли что-то общее между философом и сотрудником спецслужб? Что объединяет философское сообщество и тайный религиозный орден? Этот текст является наброском исследования одной из самых надежных ставок философии, отчасти уже разыгранной, отчасти разыгрываемой на наших глазах в современных философских дискуссиях. Речь идет о спекулятивном моменте, спекулятивном импульсе философии, в его исходном латинском смысле *выслеживания, высматривания (speculatio)*<sup>1</sup>. Иными словами, о скрытом средстве истины и тайны.

Понятие тайны, или секрета, никак не увязывается с характерной лексикой современного интеллектуала. Часто встречающиеся в популярной околругуманитарной литературе выражения вроде «тайн мышления», «загадок истории» покажутся ему, скорее, досадным проявлением доксы. В худшем случае тайна вообще не может быть предметом и объектом философского интереса, в лучшем случае она отмечена принадлежностью к области теологического знания. Однако новые аспекты актуальной эпистемологической ситуации заставляют переступить через привычное для интеллектуала отвращение.

Во-первых, вопреки ожиданиям, новые способы получения, хранения и передачи знания в Сети не облегчили, а, скорее, усложнили трансляцию знания. Несомненно, повысилась ее скорость и расширились каналы доступа к знанию, но интернет — это все же «шум», разобраться в информационном хаосе неподготовленному человеку весьма непросто. Доступ к знанию не решает задачу собственно познания, задачу, свойственную криптоанализу: как обнаружить ключи для распознавания истинной информации среди многообразных вариантов и извлечь полезную информацию. Знание сегодня упаковано как шифр; это посылка, и, чтобы ее вскрыть, необходимо знать код. Фрэнк Паскаль описывает это так:

1. *Тамерьян Т. Ю.* Историко-этимологический словарь латинских заимствований. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет, 2009. С. 489.

Интернет есть поле, открытое для всех, но при этом состоит оно из сплошных ключей. В итоге оно закрыто для тех, кто не в состоянии получить свой ключ. Это поле для всех и для каждого, но оно не адресное, оно именно со скрытыми ключами и потенциальными возможностями. Раньше эти ключи находились в самом сообщении: человек адресно направлял сообщение-запрос. Сегодня мы попадаем в сплошной информационный хаос, где нужно найти свой ключ, поскольку их множество<sup>2</sup>.

Во-вторых, гуманитарные и социальные науки наконец всерьез оценили масштабы и значение конспирологических способов объяснения реальности<sup>3</sup>. Один из наиболее известных представителей современной французской прагматической социологии — Люк Болтански в своей недавней работе «Тайны и заговоры», вызвавшей множество откликов, противопоставляет понятия социального мира и социальной реальности<sup>4</sup>. Конспирологическая аргументация объявляется характерной и решающей для современной политики. Практики заговора стары, это бессменная теневая сторона практик власти, но собственно конспирология, «теории заговора» — явление относительно молодое, возникшее в середине XIX века. В это время от объяснения отдельных исторических событий и политических решений переходят к предсказанию длительных социальных и политических процессов, заговор замещает утопическую и эсхатологическую перспективу, превращаясь в универсальную объяснительную модель. Используя литературу и социологию, Болтански показывает, что начиная с середины XIX века посредством таких тропов, как «тайна» и «заговор», заполняется разрыв между официальной нормативной социальной реальностью, которая устанавливается национальными государствами с помощью образования, институтов публичной сферы и права, и бытующими социальными практиками. Укрепление контроля над конституированием социальной реальности соответствует нарастанию конспирологического беспокойства: секретный мир скрывается за очевидной официальной реальностью. Любопытную реакцию данный текст вызвал у одного из самых последо-

2. Паскаль Ф. Про онлайн-конфиденциальность можно забыть // The Prime Russian Magazine. 2015. № 2.
3. Вахштайн В. К теории подозрения // Постнаука. 02.04.2014. URL: <https://postnauka.ru/longreads/24674>; Игнатъев А. Театр политического кризиса: заговор как «предмет веры» // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 44–67.
4. Boltanski L. *Énigmes et complots. Une enquête à propos d'enquêtes*. P.: Gallimard, 2012.

вательных критиков социологии подозрения — Бруно Латура: он призывает прочитать этот текст не просто как остроумный эссе в области социологии литературы, но как продолжение книги Болтански *De la critique*, как

...крик, крик того, кто хотел бы разоблачить несправедливость и кто не понимает, как избежать обвинения в пророчестве, участии быть еще одним параноиком вместе со всеми другими Кассандрами<sup>5</sup>.

Такая рефлексивная ситуация постановки под подозрение самой «герменевтики подозрения»<sup>6</sup> оказывается настоящим вызовом для социальных наук: они зажаты в ловушке между феноменологическим описанием и критикой. Это требует значительной философской работы по прояснению самого понятия объяснения. Проблема, с которой столкнулись социальные науки, коррелирует с изменением конфигурации соотношения области открытого и закрытого, смещения, не предусмотренного философией Просвещения, в которой теневые области знания объявлялись иррациональными и в целом нелегитимными (достаточно вспомнить наиболее влиятельное и раздражающее для современной философии кантианское различие между сферой ноуменального и феноменального)<sup>7</sup>. Если общей для спекулятивного реализма и объектно-ориентированных онтологий является критика корреляции, постулата о соответствии мышления и мира, аксиоматически определенной области мыслимого как феноменального, то криптоанализ и криптография суть названия снова актуализированной философской деятельности по установлению различия и баланса между открытым и закрытым, явленным и неявным. В этой работе тайна является способом вновь проблематизировать такие важные для современной философии и науки эпистемологические модусы, как доверие и подозрение. Почему кажется недостаточным привычное использование понятий проблемы, парадокса, аномалии и т. п.? Потому что собственно тайна не является строгим отрицанием открытости, она лишь отмечает характер-

5. *Latour B.* Tout le monde est suspect; tout le monde est à vendre; rien n'est vrai // *Philosophie magazine*. 2012. № 56.

6. *Луман Н.* «Что происходит?» и «Что за этим кроется?» Две социологии и теория общества // *Социологическое обозрение*. 2007. Т. 6. № 3. С. 100–117; *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. М.: Академический проект, 2008.

7. *Кралечкин Д.* Спекулятивный абсолют и порочный круг философии // *Censura*. 24.04.2009. URL: <http://www.censura.ru/articles/apresfinitude.htm>.

ное и важное свойство скрытого — приоткрываться. Тайна обладает уникальным свойством перформативности, она обозначает границу и одновременно производит различие. Как тонко подмечает Георг Зиммель, тайное не является ни открытым, ни закрытым, это — посредник, отличный от скрытого своей откровенностью, иначе мы никогда бы не узнали о нем<sup>8</sup>. Таким образом, важнейшим для этого небольшого исследования является различие *открытого* и *закрытого* в онтологической перспективе. Известны прецеденты проблематизации этого различия в социально-эпистемологическом ландшафте (например, у Дэвида Прайса в футурологическом манифесте «Открыто. Как мы будем жить, работать и учиться»<sup>9</sup>) или в контексте философской антропологии (например, у Агамбена в сборнике «Открытое»<sup>10</sup>). Мы же попытаемся представить криптографию как философский метод, позволяющий перераспределить устоявшиеся ставки континентальной философии.

Еще один важный аспект криптографии, который, следуя интерпретации «герменевтики подозрения» у Поля Рикёра, является скорее этическим и нормативным, чем собственно эпистемологическим, связан с категориальной парой доверия и подозрения. Свой проект детрансцендентализации субъекта Поль Рикёр мотивирует важным наблюдением — первичностью нормативного над эпистемологическим в знаменитом аргументе Декарта, «принципе радикального сомнения». По существу, рассуждения Декарта являются не аналитическими, а регулятивными, они представляют собой решение, которое оказывается заведомо вне достижимости всякой логической атаки. Рикёр отмечает также характерное смешение доверия и подозрения<sup>11</sup>. Условием и способом познания в нововременной философской традиции являются одновременно и радикальная подозрительность по отношению к внешнему и Другому, и излишняя доверчивость к субъективному сознательному опыту.

В философской литературе давно и неоднократно подмечено, что благодаря знаменитому аргументу Декарта изобретенный

8. Зиммель Г. Эссе о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы: альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008.

9. Прайс Д. Открыто. Как мы будем жить, работать и учиться. М.: Олимп-Бизнес, 2015.

10. Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. М.: РГГУ, 2012.

11. Wiercinski A. Between Suspicion and Sympathy: Paul Ricoeur's Unstable Equilibrium. Toronto: The Hermeneutic Press, 2003.

им субъективный опыт приобрел характер криптомании. Процедура подозрения, или критический императив поиска условий возможности, понуждает выполнять постоянную отсылку к очевидному, которое является неочевидным. Особенно известны высказывания Мераба Мамардашвили о том, что реальность субъекта задается благодаря шпионологии мира<sup>12</sup>. В этом смысле теории ложного сознания являются логичным продолжением классических концепций субъективности, следующим шагом нормативной процедуры подозрения, и строго следуют принципу криптомании.

В отличие от Рикёра, который анализирует волевую сферу с помощью идей витгенштейнцев и Ханны Арендт<sup>13</sup>, попробуем воспользоваться асимметрией между доверием и подозрением. Речь идет о том остроумном наблюдении, что эти два симметричных, на первый взгляд, эпистемологических модуса асимметричны по существу. Доверие тяготеет к абсолюту, для доверия необходима вся полнота и вся ясность познавательной картины, тогда как для подозрения достаточно самого мелкого и ничтожного, совершенно беспочвенного повода. Эта асимметрия отчасти уже концептуализирована в работах Давида Юма и Карла Поппера в знаменитом скептическом аргументе. Юм фундирует причинные связи в субъективном эмпирическом опыте, Поппер использует асимметрию между доверием и подозрением в качестве основания для введения принципа фальсификации. Мы придерживаемся гипотезы о том, что следствия и выводы, сделанные Поппером из асимметрии доверия и подозрения, не являются исчерпывающими — они должны быть дополнены анализом онтологического статуса тайны.

Если тайна — «открытое закрытое», странный оператор негативности, определяющий границу между открытым и закрытым, феноменальным и ноуменальным, то можно считать тайну эпифеноменом трансцендентального различия, различия между явленным и неявленным. Таким образом, существует известная генетическая связь между методическим подозрением и трансцендентальным различием в критической философии Канта.

12. Мамардашвили М. Жизнь шпиона // Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1991; Зимовец С. Тела шпионажа (шпионология Мераба Мамардашвили) // Официальный сайт Мераба Мамардашвили. 1994. URL: <http://mamardashvili.com/about/zimovets/1.html>.

13. Oliveira N. Detranscendentalizing Subjectivity: Paul Ricoeur's Revelatory Hermeneutics of Suspicion // Veritas. 2004. Vol. 49. № 2. P. 235–259.

В связи с тем что постановка вопроса о трансцендентальном различии предполагает возможности нового распределения отношений между регионами ноуменального и феноменального, это небольшое расследование может быть вписано также в масштабный современный проект критики корреляционизма, который в том числе является поиском вариантов «некритической критики» субъекта. Заметим, что для одного из философов, квалифицированных и анализируемых здесь в качестве криптографов, Квентина Мейясу, этот мотив был не просто ведущим, а основным, хотя точкой старта криптографического трека современной философии, вероятно, является мысль Хайдеггера.

## Мартин Хайдеггер: криптография истины

Неоднократно отмечено, что исследование «О сущности истины» занимает особое место в философском творчестве Хайдеггера; иногда говорится, что оно стало поворотным пунктом для его философии<sup>14</sup>. Всего через три года после появления «Бытия и времени»<sup>15</sup> задачи фундаментальной онтологии приводят к прояснению внутренней корреляции между бытием и конечностью постигающего его *Dasein*. Первый этап, феноменологический анализ, был завершен с выходом «Бытия и времени». Задачей второго этапа, который все больше и больше захватывал Хайдеггера, стало само бытие, но в соотношении с проблемой истины, смысл истины бытия. Растущая важность проблемы истины заметна во всех работах Хайдеггера после «Бытия и времени», но кульминации она достигает в статье «О сущности истины»<sup>16</sup>. Хотя работа и вышла в 1943 году, она датируется 1930 годом, и во всех последующих изданиях ее основная структура и положения остались неизменными.

Хайдеггер отбрасывает прежние варианты постановки вопроса об истине, восходящие к процедуре соотнесения высказываний и вещей, соответствия слов и действительности. Понимание истины как корреляции неудовлетворительно по причине

14. Frings M. Heidegger and the Quest for Truth. Chicago: Quadrangle Books, 1968; Lafont C. Heidegger, Language, and World-Disclosure. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2000; Dahlstrom D. Heidegger's Concept of Truth. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2001.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. и прим. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
16. Он же. О сущности истины // Он же. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991.

того, что сущность уподобления и приравнивания, характер связи между высказываниями и вещами остается неопределенным и, стало быть, пустым. В сфере соотнесенности подручного истина вводится как алетейя, в представлении вещь открывается для нас, но эта открытость создается не субъективным представлением, а благодаря сети уже заданных отношений, которыми мы связаны с миром.

Обнаружение вещи в ее движении к противостоящему осуществляется в сфере такой открытости, простота которой не только намеренно создана, но и каждый раз включается в связь и воспринимается как принадлежащая к сфере соотнесенности. Связь содержащего представление высказывания с вещью — это осуществление того отношения, которое дает толчок поведению. Но поведение имеет то отличие, что оно, будучи открытым, держится открытости как таковой. Только такую открытость в строгом смысле этого слова западноевропейское мышление в раннюю пору своего развития воспринимало как «присутствующее» и называло «сущим».

Такое открытое отношение с сущим, как чисто воспринимающее или перцептирующее отношение, состояние постоянной доступности сущего, определяемое как поведение, — в высшей степени проблематично. «Открытое поведение» отождествляется Хайдеггером с сущностью, «основанием внутренней возможности» и позволяет ему заключить, что «сущность истины есть свобода». В «Учении Платона об истине», интерпретируя миф о пещере, Хайдеггер описывает такое открытое поведение как серию переходов от одного пристанища к другому, освобождение от уз и оков представления, движение от несокрытого к несокрытейшему<sup>17</sup>. Однако для несокрытого остается существенным не только то, что оно каким-то образом делает доступным себя являющееся и держит его открытым в своем самоявлении, но и то, что несокрытое постоянно преодолевает сокрытость сокрытого. Несокрытое должно быть вырвано у сокрытости, в известном смысле — похищено у нее. Поскольку для греков сокрытость первоначально господствует как сокрытие существа сущего и тем самым определяет сущее в его присутствии и доступности (истине), постольку греческое слово для того, что римляне называли *veritas*, а мы называем истиной, отмечено этой привативной *a* (ἀ-λήθεια). Истина первоначально означает отвоеванное у сокрытости. Итак,

17. Он же. Учение Платона об истине // Историко-философский ежегодник 1986. М.: Наука, 1986. С. 255–275.

истина есть такое завоевание способом рас-крытия. Сокрытость поэтому может быть разного рода: заключение, захоронение, закутывание, загораживание, завешивание, застановка. По Платоновой притче, в высшей степени несокрытое должно быть отвоено у подлого и неуступчивого сокрытия.

Эта серия переходов от истины-корреспонденции к истине-открытости, а точнее, непотаенности совершается изощренно и странно. Александр Койре указывает:

Можно смело сказать, что решающий вопрос, касающийся «смысла» («Бытие и время», 1927, с. 151), то есть касающийся области проекции, то есть открытости, то есть истины бытия, а не только истины сущего, — совершенно не разработан. Мысль делает вид, что остается на путях метафизики, и тем не менее решительными шагами, которые ведут от истины как правильности к эк-зистирующей (*ek-sistente*) свободе, а от нее — к истине как сокрытости и блужданию, совершает трансформацию вопрошания, принадлежащую к *преодолению* (*Überwindung*) метафизики<sup>18</sup>.

Необходимо обратить внимание на характерное, в высшей степени симптоматичное замечание «мысль делает вид»: мысль маскируется, притворяется, утаивает собственные намерения. Фактически Хайдеггер рассматривает свой текст как инструмент взлома, ключ, позволяющий перейти от открытого и доступного дискурсивного порядка к другому, закрытому, упакованному, недоступному. И собственно дискурсивный порядок служит задаче конверсии, обращения. Здесь выстраивается весьма последовательный ряд: мышление, тайна, истина бытия как несокрытость.

Сущность истины — и не-истины — есть тайна. Это значит, что само *Dasein* есть тайна. А также то, что *Dasein*, наше собственное *Da-sein*, становится для нас трансцендентным, таким же трансцендентным — и таким же непостижимым, — как умопостигаемое и трансцендентное «Я» Канта. Не представляет ли в самом деле «Бытие и время» не антропологию, а решительный отказ от всякой антропологии, так же как преодоление всякой метафизики, о котором говорится в предварительном замечании к работе «О сущности истины», подразумевает отказ от основных позиций «Бытия и времени»? Александр Койре недоумевает, возражает, сомневается:

18. Койре А. Философская эволюция Мартина Хайдеггера // Логос. 1999. № 10 (20). С. 113.

Феномен истины раскрыт нам в совпадении намеченного и раскрытого, раз-облачения и раз-облаченного. Именно в самом этом совпадении раскрыт нам феномен Бытия. Именно в *Da-sein* осуществляется это рас-крытие, и именно сущностная структура *Da-sein* (эк-зистирующая свобода, которая «оставляет» вещи такими, какие они есть) раскрыта нам как главное условие этого (и любого другого) раскрытия. Из этого мы сделали вывод, что именно «эк-зистирующая свобода» составляет сущность истины, что она является основанием раскрытия самому себе (прозрачности), которое составляет основание *esse ostentativum Da-sein*. Но более внимательный анализ нам показал, что разоблачение сущего всегда сопровождалось новым облачением и даже было возможно только на основе нового облачения. Разоблачающее бытие *Da-sein* является одновременно и изначально бытием облачающим и скрывающим. Разоблачение сущего подразумевает извращение. Выставление напоказ, оказывается, имеет основание и, следовательно, условием возможности предшествующее ему изначальное утаивание. Бытие *Da-sein* оказывается *esse occultativum*. Если дело обстоит таким образом, имеет ли смысл говорить об истине *Dasein*? И искать в *Dasein* условий возможности — сущность — истины? Тогда проблема истинности условий возможности истины оказывается неразрешимой (при условии, что она вообще имеет смысл) и приводит нас прямоком в безысходный лабиринт заблуждения.

В этом лабиринте все изменяется под нашим взором (а может быть, только скрывается и извращается) и тем самым становится тайной. Поскольку если условием возможности разоблачения является утаивание (*l'occultation*) и сокрытие, то разоблачение является извращением, а истина — заблуждением. Поскольку, если истина является разоблачением извращенного посредством извращающегося *Dasein*, постольку именно заблуждение является Бытием, а Бытие является ничем иным, как заблуждением. Но тогда именно заблуждение скрывается, а не Бытие и сокрытие сокрытия возвращает нас к исходной точке.

Это доказывает лишь то, что мы проделали ложный путь, отождествляя сущность с условиями возможности и пытаясь найти условия возможности истины в чем-то другом, а не в ней самой, так как именно сама истина является условием возможности всех условий возможности<sup>19</sup>.

Но если только мы допускаем, что истина выявляется не в прямой диалектической связи закрытого и открытого, а опосредована тайной обращения, состоянием несокрытости-сокрыто-

19. Там же. С. 135.

го (поскольку Хайдеггер совершенно недвусмысленно говорит о степени открытости), если мы предполагаем, что именно тайна является перформативным оператором истины бытия, — тогда все становится на свои места, отношения между понятиями мышления, представления, истины и бытия в концепции Хайдеггера гармонизируются.

Это предположение подтверждается обращением к лекционному курсу «Парменид и Гераклит», прочитанному Хайдеггером в Фрайбургском университете в зимнем семестре 1942/1943 года и подготовленному для публикации в 54-м томе «Полного собрания сочинений» в 1981 году. Он представляет собой генеалогию превращения греческой истины *ἀλήθεια* через римскую *veritas* в средневековые *adaequatio*, *rectitudo* и *iustitia* и, наконец, в новоевропейскую *certitudo*. Он утверждает:

Чтобы достичь истины как нужного и правильного, человек должен быть полностью уверенным и удостоверенным в правильном употреблении своей основной способности. Сущность истины определяется из этой уверенности и достоверности. Истинное превращается в нечто удостоверенное и обеспеченное. *Verum* превращается в *certum*, а вопрос об истине — в вопрос о том, может ли человек (и если может, то каким образом) быть уверенным и удостоверенным как по отношению к тому существу, каковым является он сам, так и по отношению к тому, каковым он не является<sup>20</sup>.

Таким образом, меняется сам способ противостояния истины и не-истины, формируется и упрочивается идея, что единственной противоположностью истины является ложность. Хайдеггер пытается соскользнуть с двух искажающих путей истолкования *ἀλήθεια*: как омонимической репрезентации высказывания о сущем, предложенной Аристотелем, как диалектического укоренения противостояния открытого и сокровенного в субъективности. «Открытая тайна» открытого-закрытого не является ни субъективным актом, ни свойством высказывания, но онтологическим событием, подобным обнаружению похищенной или утерянной вещи, как в рассказе Эдгара По «Похищенное письмо»<sup>21</sup>, который стал одним из самых комментируемых литературных произведе-

20. Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009. С. 117.

21. По Э. Похищенное письмо. М.: Правда, 1990.

ний прошлого века благодаря блестящему прочтению Лакана<sup>22</sup>. Фабула рассказа держится на идее, что «загадка причиняет много хлопот из-за очевидности ее разгадки»<sup>23</sup>: Дюпен обнаруживает письмо, потому что оно было спрятано в самом открытом месте. Размышляя над лакановской интерпретацией «Похищенного письма», Деррида остроумно и неожиданно вспоминает сказку Андерсена «Новое платье короля». Сказка сама маскирует наготу:

Как все рассказы, как все вторичные переработки, она прикрывает наготу. Итак, какова же природа этой обнаженности, которую она скрывает таким образом? Это природа наготы: сам сон о наготе и его основное ощущение, стыдливость. Поскольку природа наготы способна таким образом вуалироваться/де-вуалироваться, то это значит, что нагота не принадлежит природе и что ее истина заключается в стыдливости.

Скрытая тема в «Новом платье короля» — это просто скрытая тема. То, что формальная, литературная, вторичная *Einkleidung* вуалирует или, наоборот, раскрывает, — это сновидение о вуалировании/раскрытии, это единство завесы (вуалирование/раскрытие), переодевания и обнажения. Такое единство находится в нерасторжимой структуре, представленной в форме наготы и невидимой одежды, ткани — видимой для одних и невидимой для других, наготы, одновременно незамечаемой и выставляемой напоказ... Если брать в расчет приравненность, более чем метафорическую, вуали, текста и ткани, текст Андерсена — это текст в тему. Точнее — определение текста как вуали в пространстве истины, сведение текста к движению *aletheia*<sup>24</sup>.

Вероятно, для Хайдеггера философская истина является откровением до Откровения; эта гипотеза подтверждается, если вспомнить апофатическую по сути практику стирания (благодаря Деррида эта практика стала именоваться устойчивым литературоведческим термином *sous rature*), зачеркивание слова в тексте. Слово как «несоответствующее, но все же необходимое» зачеркивается, чтобы выявить проблему присутствия отсутствующего значения. Хайдеггер впервые прибегает к практике зачеркивания в «Основных понятиях метафизики» в то самое время, когда был подго-

22. Лакан Ж. Семинары. М.: Гнозис; Логос, 1999. Кн. 2: «Я» в теории Фрейда и в практике психоанализа. С. 273.

23. Bernet R. Le secret selon Heidegger et «La lettre volée» de Poe // Archives de Philosophie. 2005. Vol. 68. № 3. P. 379–400.

24. Деррида Ж. Носитель истины // О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Минск: Современный литератор, 1999.

товлен доклад «О сущности истины». Специально и особенно он обсуждает необходимость зачеркивания в письме Эрнсту Юнгеру, датированном 1956 годом и посвященном определению понятия «нигилизм»<sup>25</sup>.

Бытие, как ни странно, не является. Оно скрывается. Оно держится в сокрытости, которая и сама скрывается. Но в таком сокрытии покоится известная грекам сущность забвения. Забвение в конце концов, то есть из начала своей сущности, не негативно, а как укрытие, вероятно, является утаиванием, которое сохраняет нераскрытое<sup>26</sup>.

Как бы мы ни зачеркивали и ни исключали понятие «бытие», оно сохраняется в качестве исключенного. Согласно модели Хайдеггера, стирание выражает проблему отсутствия и присутствия значения в языке в такой же конфигурации, в какой тайна или секрет регулирует проблему соотношения феноменального и ноуменального. Деррида подхватывает практику стирания для того, чтобы топографически подчеркнуть парадоксальность и неразрешимость проблемы значения, но также для демонстрации того, что значение является результирующей различия, а не предсуществующего автономного смысла:

Необходимое, изначальное и неустранимое утаивание смысла бытия, его сокрытие в самом свете наличия, отход, без которого не было бы и самой истории бытия (как целиком *исторической* и вместе с тем *бытийной*); упорство Хайдеггера, для которого бытие как история порождается лишь логосом, а без него оно — ничто; различие между бытием и сущим — все это показывает, что по сути своей ничто не ускользает от динамики означающего и что в конечном счете разница между означаемым и означающим — *нулевая*. Если отнестись к этому утверждению о броске вперед, о превзойдении, без упреждающей дискурсивной подготовки, то нас может отбросить назад. Поэтому необходимо прежде *пройти через* вопрос о бытии — как он был поставлен Хайдеггером и только им одним — перед онто-логией и за ее пределами, а в конечном счете строго помыслить эту странную неразличенность и правильно ее определить<sup>27</sup>.

25. Хайдеггер М. О «линии» // Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер, Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер, Гюнтер Фигаль / Пер. с нем., предисл. и комм. Г. Хайдаровой. СПб.: С.-Петербургский университет, 2006.

26. Там же. С. 105.

27. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. С. 139.

## Криптографический императив Жака Деррида

Невозможно достаточно убедительно показать, что хайдеггеровские криптографические штудии оказываются влиятельными среди генеральных линий истории современной философии, однако у него неожиданно находятся последователи в маргинальных, вырастающих на обочинах живых ростках мысли, недавно и совсем недавно. В отношении к хайдеггерианскому дискурсу доступа к несокрытому можно наметить сближение таких внешне чуждых по своим философским интенциям философов, как Жак Деррида и Квентин Мейясу. Можно сказать, что они представляют два возможных варианта философского криптологического дискурса: соответственно, дизъюнктивного и конъюнктивного. Тайна как явленное неявленное может схватываться в форме дизъюнктивного или конъюнктивного синтеза, в приостановке различия, разнесении, смещении или же в накладывании, заступании и смешении. Смещение и смешение — таковы две главные криптографические стратегии философии после Хайдеггера, реализованные Деррида и Мейясу.

Письмо, воспринятое как писание, одновременно открытое и закрытое; среда, где феноменальное отсылает к отложенному ноуменальному, — можно предположить, что концепция следа для Деррида — это модель криптографической процедуры, в которой всякий автор играет профетическую и перформативную роль: мене, текел, фарес.

Деррида оставляет множество «следов», подталкивающих к восприятию его философской работы в качестве криптографии, пустой формы откровения без Откровения. Разумеется, самым отчетливым следом является сама концепция следа, ускользания явленного, замещения наличного, оформленная еще в работе «О грамматологии». Двигаясь в русле размышлений об онтологических основаниях означивания и письма, Деррида напоминает о том, что еще в XVIII веке равным образом ценилось и тайное, и аналитическое, однако в результате длительных дискуссий о природе письма теоретическое поле расчистилось и упростилось в пользу языка универсального и прозрачного, вторичного и неаутентичного по отношению к речи. Поэтому грамматология как криптография является движением вспять:

А теперь нам нужно понять, что письмо есть нечто более внешнее по отношению к речи (*parole*), чем мы раньше думали, ибо оно не является ни ее «образом», ни ее «символом», и вместе

с тем что оно есть нечто более внутреннее по отношению к речи, которая и сама по себе уже является письмом. Еще до какой-либо связи с насечкой, гравировкой, рисунком, буквой или вообще с означающим, которое всегда отсылает к другому означающему, им обозначенному, понятие графии уже предполагает *установление следа* как общую возможность всех означающих систем. Отныне мы будем стремиться постепенно освободить эти два понятия из плена классического дискурса, где они неизбежно поначалу томятся. Это потребует большого труда, хотя заранее ясно, что наши усилия не приведут к полному и совершенному успеху<sup>28</sup>.

Какой же прок в том, чтобы переименовать грамматиологию в криптографию? Значит ли это окончательно дискредитировать философию как область строгого знания, вооруженную достижениями культурологии, семиотики, социологии, истории? По всей видимости, самого Деррида мало беспокоили такие возможности утраты перспективы универсального, он рассчитывает на ресурс теологического.

*Заявить о себе как таковом:* в этом и заложена вся история, начиная с того, что метафизика считает «не-живым», вплоть до «сознания», учитывая также всевозможные уровни живых организмов. След, которым отмечено отношение к другому, возможен во всем поле сущего, определенного метафизикой как лично-сущее (*étant-present*) на основе скрытого движения следа. След нужно помыслить до мысли о сущем. Однако движение следа по необходимости скрыто, оно скрывает себя. Когда другой заявляет о себе как таковом, он представляет себя, скрываясь. Это не теологический тезис, как может поначалу показаться. «Теологичен» лишь определенный момент в целостном движении следа. Еще не став полем наличности, поле сущего структурируется сообразно различным (генетическим и структуральным) возможностям следа. Презентация другого как такового, то есть сокрытие этой его «как-таковости», всегда уже налицо и затрагивает все структуры сущего<sup>29</sup>.

Но все-таки сильнее всего свидетельствуют в пользу криптографической версии истолкования философии Деррида показания, данные им в серии интервью Маурицио Феррарису, которая была издана в 2001 году в сборнике с названием, придуманным самим

28. Там же. С. 167.

29. Там же. С. 169.

Деррида: «Вкус к тайне». Здесь Деррида признает, что его прежде всего занимает необеспеченное общим доступом, необъективированное, нетематизированное — это абсолютная тайна, абсолютное в полном этимологическом смысле этого термина: безусловное, безотносительное. Сопротивляющееся всякому связыванию, но при этом являющееся условием всякого связывания, сопротивляющееся дневному свету феноменального, но все же не трансцендентное, тайна — *абсолютно другое*.

Радикальное и необратимое с точки зрения Деррида, это разделение тем не менее не является ключом к тайне, как когда-то в психоанализе ключом к сознанию было бессознательное, это

... формализуемое, экспрессивное отношение к тому, чего нет. Образ разделения того, чего нет, так же как в смерти, мы знаем о ней все вместе, но не имеем с ней ничего общего. Почему я выбираю слово «тайна», чтобы говорить об этом? В чем привилегия этого слова по сравнению с самостью, логосом, бытием? Этот выбор не является незначимым, он является стратегией, определен философской мизансценой, которая настаивает на разделении, на изоляции. У меня есть вкус к тайне<sup>30</sup>.

Деррида поясняет, что отказ от связывания, от идентификации и присвоения является следствием тотализирующего действия демократии, страхом террора политического, которое вытесняет и поглощает внутреннее.

Я могу перефразировать эту установку с точки зрения политической этики: если право на тайну не сохраняется, мы оказываемся в тоталитарном космосе. Принадлежность, сам факт признания принадлежности, удержание вместе — будь то в семье, в стране, в речи — отмечает потерю тайны<sup>31</sup>.

Криптографический императив Деррида требует разоблачения шифра, посредника, кодирующего систему, обеспечивающего синтез, согласование и соучастие. Криптомания, тотальное подзрение деконструкции «за этим что-то стоит, только не то, что за этим стоит», — вывернутая наизнанку процедура радикального сомнения, благодаря которой Деррида указывает на абсолютность и перформативность доверия. Этот лейтмотив в творчестве Деррида отлично изучен в связи с его полемическими выпадами

30. Derrida J., Ferraris M. A Taste for the Secret / G. Donis, D. Webb (eds). Cambridge: Polity Press, 2001. P. 58.

31. Ibid. P. 59.

в адрес теории речевых актов Джона Остина и Джона Сёрла. Например, Анна Ямпольская заключает:

Адресная речь — уже самим наличием адресата — мыслима только в ситуации исходного доверия. Разумеется, обещание искренности неизбежно будет нарушено, доверием злоупотребят; «осечки» перформатива, нарушения обещания, клятвопреступления представляют собой отнюдь не патологические случаи, которыми при рассмотрении нормы можно пренебречь, а основную форму существования речи. Однако доверие, пусть даже и поправное, предполагается самим понятием об обещании, а значит, и самим нашим представлением о языке как о медиуме интересубъективных отношений<sup>32</sup>.

Таким образом, криптографический дизъюнктивный синтез Деррида посредством обращения к нехарактерным для современной философии понятиям тайны, доверия, абсолюта взрывает шаблонные рассуждения философии субъективности. Он может считаться прологом к новой странице философской критики, предпринятой в спекулятивном реализме.

## Криптомахия и теогония Квентина Мейясу

В отличие от Хайдеггера и Деррида, Мейясу почти не употребляет выражения, отсылающие к онтологическим отношениям открытого или закрытого, феноменального и ноуменального, понятиям тайны, секрета, сакрального. Сомнительно, что Хайдеггер, а тем более Деррида являются для него философскими авторитетами. Однако это не значит, что он не работает в традиции, которую мы условно назвали криптографическим методом. В каком-то смысле в «Божественном несуществовании» Мейясу доводит линию понимания философской работы как откровения без Откровения до логического конца<sup>33</sup>, и поэтому именно его размышления становятся самым весомым вкладом в возникновение спекулятивно-го реализма как направления современной философии<sup>34</sup>.

32. Ямпольская А. Речевой акт как событие: Деррида между Остином и Арендт // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 13.

33. Watkin Ch. Difficult Atheism. Post-Theological Thinking in Alain Badiou, Jean-Luc Nancy and Quentin Meillassoux. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011.

34. Harman G. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011.

Работа Мейясу «Число и сирена», которую иногда рассматривают в качестве простого литературоведческого упражнения, продолжает и развивает намеченную нами линию философской криптографии. Текст посвящен истолкованию поэмы Стефана Малларме «Бросок костей», подобный опыт — любимое дело французских философов. Однако в данном случае истолкование приравнивается к расшифровыванию, хотя у них разные задачи. В случае расшифровки результат должен быть точным и уникальным, но уникальность его случайна, как и в случае броска костей: фактически каким может быть число, уникальность которого обусловлена тем, что оно «не способно стать другим»?

С арифметической точки зрения эта идея абсолютно бессмысленна: конечно, можно сказать, что любое число равно самому себе и никакому другому, но точно так же можно утверждать и противоположное, что любое число может, посредством операции сложения, стать другим числом. Так что это свойство кажется или тривиальным, или ложным. Но, даже признав его, невозможно выделить уникальное число, которое, в отличие от всех других чисел, утверждало бы свою абсолютную необходимость через равенство самому себе. Тот же тупик возникает при рассуждении о Числе с точки зрения бросания костей: любой результат броска становится необходимым тогда, когда он получен, в том смысле, что необратимость времени не позволяет нам изменить его как событие в прошлом; также можно сказать, что любой случайный результат является совпадением, так как он мог бы быть другим. Но снова в обоих случаях, допуская или отрицая сущность числа Малларме, мы не выделяем уникальный результат, который, в отличие от всех других, являл бы абсолютную необходимость<sup>35</sup>.

Если Деррида вслед за Хайдеггером определяет философскую работу через шифрование, то Мейясу, напротив, рассматривает свою криптографическую стратегию как поиск ключа. Используя литературоведческие и философские источники, он обнаруживает число, которое упорядочивает строение и придает смысл энигматичной поэме Малларме. Основной маневр мышления Мейясу состоит в конъюнктивном криптографическом синтезе вместо разнесения и отсрочки, которые предпринимает Деррида, чтобы открыть возможность для возможности; Мейясу использует полярный философский прием накладывания, совмещения: так,

35. Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме // Носорог. 2014. № 1. С. 184.

случайный результат броска костей признается одновременно и контингентным, и необходимым. Однако здесь не может быть и речи о диалектическом совпадении противоположностей, это не род снятия, как можно было бы предположить. Мейясу предупреждает, что такое понимание его философской работы будет ложным:

Контингентность или совпадение, случай действительно бесконечен в том смысле, что одновременно содержит и то, что его демонстрирует во всей грустной очевидности, и то, что его отрицает за счет появления Смысла, освещающего все вокруг. Мы видим, каким образом Малларме трансформировал банальную идею «все случайно», придав ей некоторый аспект противоположности гегельянской бесконечности: это больше не Дух, содержащий в себе в том числе то, что его отрицает, но Небытие (как отсутствие Смысла), которое определяет и то, что кажется из него исключенным<sup>36</sup>.

Шифрование находит свое подтверждение и эвристическую ценность через способность точно объяснять некоторые места поэмы. В «водовороте кода», как при центрифугировании, обнаруживается пустота абсолютного, безусловного, бесконечного случая. Разумеется, Мейясу обнаруживает сродство безусловного и поэтического, поэтому модерн снова может быть объявлен незавершенным проектом.

Код — конструкция одновременно и хрупкая, и прочная, допускающая одновременно колебания между этими двумя крайностями. Благодаря этому постоянному движению читатель может проникнуться бесконечностью капитана: бесконечностью его острого сомнения, бросать ли заново кости поэзии модерна<sup>37</sup>.

Но для этого небольшого расследования гораздо более важным оказывается другое сродство, которое подразумевается, на которое делаются намеки, но оно принципиально не прописывается явно, скрывается за литературоведческими и культурологическими интерпретациями: это — *сродство случайности как броска костей и мысли криптографа-расшифровщика*. Мейясу хладнокровно приводит последний пассаж поэмы Малларме, методично считает количество слов, которое позволяет ему вскрыть шифр

36. Там же. С. 189.

37. *Он же*. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме. Окончание // Носорог. 2014–2015. № 2. С. 205.

поэмы, никак не возвращаясь больше к этой мысли, ради которой все затевалось:

*Toute Pensée émet un Coup de Dés.*

Всякая мысль возвращает бросок костей.

Таким образом, текст Мейясу, посвященный расшифровке поэмы Малларме, в свою очередь представляет из себя криптографическое упражнение, аналогичное тем, которые проделали до него Хайдеггер, Деррида, а до них — Парменид Элейский, Гераклит Эфесский, Ансельм Кентерберийский и некоторые другие.

### Библиография

- Bernet R. Le secret selon Heidegger et «La lettre volée» de Poe // Archives de Philosophie. 2005. Vol. 68. № 3. P. 379–400.
- Boltanski L. Énigmes et complots. Une enquête à propos d'enquêtes. P.: Gallimard, 2012.
- Dahlstrom D. Heidegger's Concept of Truth. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2001.
- Derrida J., Ferraris M. A Taste for the Secret. Cambridge: Polity Press, 2001.
- Frings M. Heidegger and the Quest for Truth. Chicago: Quadrangle Books, 1968.
- Harman G. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011.
- Lafont C. Heidegger, Language, and World-Disclosure. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
- Latour B. Tout le monde est suspect; tout le monde est à vendre; rien n'est vrai // Philosophie magazine. 2012. № 56.
- Oliveira N. Detranscendentalizing Subjectivity: Paul Ricoeur's Revelatory Hermeneutics of Suspicion // Veritas. 2004. Vol. 49. № 2. P. 235–259.
- Watkin Ch. Difficult Atheism. Post-Theological Thinking in Alain Badiou, Jean-Luc Nancy and Quentin Meillassoux. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011.
- Wiercinski A. Between Suspicion and Sympathy: Paul Ricoeur's Unstable Equilibrium. Toronto: The Hermeneutic Press, 2003.
- Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. М.: РГГУ, 2012.
- Вахштайн В. К теории подозрения // Постнаука. 02.04.2014. URL: <http://postnauka.ru/longreads/24674>.
- Деррида Ж. Носитель истины // Он же. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Минск: Современный литератор, 1999. С. 645–788.
- Деррида Ж. О грамматиологии. М.: Ad Marginem, 2000.
- Зиммель Г. Эскурсы о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы: альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.
- Зимовец С. Тела шпионажа (шпионология Мераба Мамардашвили) // Официальный сайт Мераба Мамардашвили. 1994. URL: <http://mamardashvili.com/about/zimovets/1.html>.

- Игнатъев А. Театр политического кризиса: заговор как «предмет веры» // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 44–67.
- Койре А. Философская эволюция Мартина Хайдеггера // Логос. Философско-литературный журнал. 1999. № 10 (20). С. 113–136.
- Кралечкин Д. Спекулятивный абсолютизм и порочный круг философии // Censura. 24.04.2009. URL: <http://censura.ru/articles/apresfinitude.htm>.
- Лакан Ж. Семинары. Кн. 2: «Я» в теории Фрейда и в практике психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 1999.
- Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?» Две социологии и теория общества // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 100–117.
- Мамардашвили М. Жизнь шпиона // Он же. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1991.
- Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме // Носорог. 2014. № 1. С. 179–223.
- Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме. Окончание // Носорог. 2014–2015. № 2. С. 131–207.
- Паскаль Ф. Про онлайн-конфиденциальность можно забыть // The Prime Russian Magazine. 2015. № 2. URL: [http://primerussia.ru/interview\\_posts/509](http://primerussia.ru/interview_posts/509).
- По Э. Похищенное письмо. М.: Правда, 1990.
- Прайс Д. Открыто. Как мы будем жить, работать и учиться. М.: Олимп-Бизнес, 2015.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М.: Академический проект, 2008.
- Тамерьян Т. Ю. Историко-этимологический словарь латинских заимствований. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет, 2009.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
- Хайдеггер М. О «линии» // Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер, Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер, Гюнтер Фигаль. СПб.: С.-Петербургский университет, 2006. С. 65–120.
- Хайдеггер М. О сущности истины // Он же. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 8–27.
- Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009.
- Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Историко-философский ежегодник 1986. М.: Наука, 1986. С. 255–275.
- Ямпольская А. Речевой акт как событие: Деррида между Остином и Арендт // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 9–24.

IRINA DUDENKOVA. Senior Lecturer, Department of Liberal Arts, School of Public Policy, irinafil@bk.ru.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82 Vernadskogo ave., 119571 Moscow, Russia.

*Keywords:* secret; truth; suspicion; open; phenomenal; Martin Heidegger; Jacques Derrida; Quentin Meillassoux.

This paper considers the reading of a philosophical work as an experience of revelation without Revelation. The secret as the “open closed” or the “manifest implicit” can be understood as a function of a transcendental distinction which remains a problematic issue in contemporary philosophical discussions about the epistemological characteristics of an explanation and the speculative properties of reality. Philosophy as cryptography makes skillful use of the observation that two fundamentally important epistemological modes of the philosophy of Modernity — trust and suspicion — are essentially asymmetric. Trust gravitates towards the absolute, to all completeness and clarity of insight, whereas the smallest, most insignificant and groundless occasion may be reason for suspicion.

This asymmetry gives new meaning to Martin Heidegger’s reflections on the essence of truth, rehabilitating the understanding of truth as *unconcealedness* (aletheia). Truth, much like a secret, exists as, and the establishes borders between, open and closed. Using Heidegger’s understanding of truth as unconcealedness, the paper draws a hitherto unexplored connection between Derrida and Meillassoux. They agree in their refusal to grant subjective experience the power to demarcate the phenomenal from the noumenal, yet disagree in their understanding of the function of the secret. For Derrida, the function of the secret is a disjunction, it presupposes a distancing, a divergence, a gap. On the contrary, Meillassoux attributes a conjunctive function to the secret — akin to cast dice — of combining, coinciding and overlapping. Thus, the philosophical cryptographic method provides an opportunity to reconfigure the established positions of contemporary continental philosophy.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-4-23-43

### References

- Agamben G. *Otkrytoe. Chelovek i zivotnoe* [L’aperto. L’uomo e l’animale], Moscow, RSUH, 2012.
- Bernet R. Le secret selon Heidegger et «La lettre volée» de Poe. *Archives de Philosophie*, 2005, vol. 68, no. 3, pp. 379–400.
- Boltanski L. *Énigmes et complots. Une enquête à propos d’enquêtes*, Paris, Gallimard, 2012.
- Dahlstrom D. *Heidegger’s Concept of Truth*, Cambridge, UK, New York, Cambridge University Press, 2001.
- Derrida J. Nositel’ istiny [Le facteur de la vérité]. *O pochtovoi otkrytke ot Sokrata do Freida i ne tol’ko* [La carte postale: de Socrate à Freud et au-delà], Minsk, Sovremennyyi literator, 1999, pp. 645–788.
- Derrida J. *O grammatologii* [De la grammatologie], Moscow, Ad Marginem, 2000.
- Derrida J., Ferraris M. *A Taste for the Secret*, Cambridge, Polity Press, 2001.
- Frings M. *Heidegger and the Quest for Truth*, Chicago, Quadrangle Books, 1968.

- Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2011.
- Heidegger M. *Bytie i vremia* [Sein und Zeit], Moscow, Ad Marginem, 1997.
- Heidegger M. O "linii" [Ober "Die Linie"]. *Sud'ba nigilizma: Ernst Iunger, Martin Khaidegger, Ditmar Kamper, Giunter Figal'* [Nihilism's Fate: Ernst Jünger, Martin Heidegger, Dietmar Kamper, Günter Figal], Saint Petersburg, S.-Peterburgskii universitet, 2006, pp. 65–120.
- Heidegger M. O sushchnosti istiny [Vom Wesen der Wahrheit]. *Razgovor na prose-lochnoi doroge* [Der Feldweg], Moscow, Vysshiaia shkola, 1991, pp. 8–27.
- Heidegger M. *Parmenid* [Parmenides], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2009.
- Heidegger M. Uchenie Platona ob istine [Platons Lehre von der Wahrheit]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 1986* [Historico-Philosophical Almanac 1986], Moscow, Nauka, 1986, pp. 255–275.
- Ignat'ev A. Teatr politicheskogo krizisa: zagovor kak «predmet very» [Theater of Political Crisis: Conspiracy as "Matter of Belief"]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2015, vol. 14, no. 1. C. 44–67.
- Koyre A. Filosofskaia evoliutsiia Martina Khaideggera [L'évolution philosophique de Martin Heidegger]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 1999, no. 10 (20), pp. 113–136.
- Kralechkin D. Spekuliativnyi absoliut i porochnyi krug filosofii [The Speculative Absolute and the Vicious Circle of Philosophy]. *Censura*, April 24, 2009. Available at: <http://censura.ru/articles/apresfinitude.htm>.
- Lacan J. *Seminary. Kn. 2: "Ja" v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza* [Le séminaire, Livre II: Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse], Moscow, Gnozis, Logos, 1999.
- Lafont C. *Heidegger, Language, and World-Disclosure*, Cambridge, UK, New York, Cambridge University Press, 2000.
- Latour B. Tout le monde est suspect; tout le monde est à vendre; rien n'est vrai. *Philosophie magazine*, 2012, no. 56.
- Luhmann N. "Chto proiskhodit?" i "Chto za etim kroetsia?" Dve sotsiologii i teoriia obshchestva ["What Is the Case?" and "What Is Hidden behind It?" The Two Sociologies and the Theory of Society]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2007, vol. 6, no. 3, pp. 100–117.
- Mamardashvili M. Zhizn' shpiona [Life of a Spy]. Kak ia ponimaiu filosofiiu [How Do I Understand Philosophy], Moscow, Progress, 1991.
- Meillassoux Q. Chislo i sirena. Chtenie "Broska kostei" Mallarme [The Number and the Siren. Reading of Mallarme's "Coup De Des"]. *Nosorog* [Rhinoceros], 2014, no. 1, pp. 179–223.
- Meillassoux Q. Chislo i sirena. Chtenie "Broska kostei" Mallarme. Okonchanie [The Number and the Siren. Reading of Mallarme's "Coup De Des". Ending]. *Nosorog* [Rhinoceros], 2014–2015, no. 2, pp. 131–207.
- Oliveira N. Detranscendentalizing Subjectivity: Paul Ricoeur's Revelatory Hermeneutics of Suspicion. *Veritas*, 2004, vol. 49, no. 2, pp. 235–259.
- Pasquale F. Pro onlain-konfidentsial'nost' mozno zabyt' [Bang Goes Our Web-Confidentiality]. *The Prime Russian Magazine*, 2015, no. 2. Available at: [http://primerussia.ru/interview\\_posts/509](http://primerussia.ru/interview_posts/509).
- Poe E. *Pokhishchennoe pis'mo* [The Purloined Letter], Moscow, Pravda, 1990.
- Price D. *Otkryto. Kak my budem zhit', rabotat' i učit'sia* [Open. How We'll Live, Work and Learn in The Future], Moscow, Olimp-Biznes, 2015.

- Ricœur P. *Konflikt interpretatsii* [Le Conflit des interprétations], Moscow, Akademicheskii proekt, 2008.
- Simmel G. Ekskurs o chuzhake [Exkurs über den Fremden]. *Sotsiologicheskaiia teoriia: istoriia, sovremennost', perspektivy: al'manakh zhurnala "Sotsiologicheskoe obozrenie"* [Sociological Theory: History, Contemporaneity, Perspectives: The Russian Sociological Review Almanac], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2008, pp. 7–13.
- Tamer'ian T. Iu. *Istoriko-etimologicheskii slovar' latinskikh zaimstvovanii* [Historic-Etymological Dictionary of Latinic Borrowed Words], Vladikavkaz, Severo-Osetinskii gosudarstvennyi universitet, 2009.
- Vakhshayn V. K teorii podozreniia [Towards a Theory of Suspicion]. *Postnauka*, April 2, 2014. Available at: <http://postnauka.ru/longreads/24674>.
- Watkin Ch. *Difficult Atheism. Post-Theological Thinking in Alain Badiou, Jean-Luc Nancy and Quentin Meillassoux*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2011.
- Wiercinski A. *Between Suspicion and Sympathy: Paul Ricoeur's Unstable Equilibrium*, Toronto, The Hermeneutic Press, 2003.
- Yampolskaya A. Rechevoi akt kak sobytie: Derrida mezhdou Ostinom i Arendt [Speech Act as an Event: Derrida between Austin and Arendt]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2014, vol. 13, no. 2, pp. 9–24.
- Zimovets S. Tela shpionazha (shpionologiiia Meraba Mamardashvili) [Bodies of Espionage (Merab Mamardashvili's Theory of Spy)]. *Merab Mamardashvili's Official Website*, 1994. Available at: <http://mamardashvili.com/about/zimovets/1.html>.